

ПРОБЛЕМА ПОНИМАНИЯ

Э. М. СПИРОВА

Символ как ключ к пониманию

Термин «символ» долгое время не употреблялся в нашей научной литературе в адекватном ему значении. Его замещали словами «образ», «знак», «метафора», в ряде случаев использовали термины «сравнение», «аллегория», а иногда «тип». Все это, бесспорно, не всегда способствовало (а зачастую даже вредило) точной и объективной разработке ряда научных проблем¹.

В «Философии символических форм» и «Опыте о человеке. Введение в философию человеческой культуры» содержится весьма оригинальная трактовка символа как ключа для понимания. Смысл, по Кассиреру, — это конструирующая идеальность духа, которая проявляется в знаках-символах. Главная функция символов у Кассирера — структурирование человеческого опыта. Чтобы подчеркнуть эту функцию, немецкий философ называет символы «символическими формами», а свою философию — «философией символических форм». Согласно Кассиреру функция «заключает в себе самостоятельную энергию духа, посредством которой простому наличному бытию придается определенное «значение», своеобразное идеальное содержание»².

Раскрытие значения через символ верно не только в познании, но и в искусстве, мифологии и религии. Образные миры

их — порождение специфических функциональных актов. И если их символические оформления

не однородны с интеллектуальными символами, то они равноценны по своему духовному содержанию. Символы с самого начала выступают с определенной претензией на объективность и ценность. Но при этом содержание, явленное нам в символе, выступает совершенно видоизмененным. Это связано с тем, что знаку присуще идеальное значение, которое как таковое застывает в нем. Он — представитель совокупности возможных содержаний, которые благодаря символической функции сознания организуются в замкнутое и устойчивое единство формы. Понятие памяти (или «воспоминания») по отношению к символу приобретает более богатый и новый смысл. Для того чтобы вспомнить какое-либо содержание, сознание должно каким-то иным образом, а не просто при помощи ощущения или восприятия внутренне освоить его.

Одной из особенностей познавательной концепции Кассирера является то, что проблема человека решается у него параллельно с проблемой символа, мифа, языка и других символических форм. Концепция Кассирера объединяет основные положения культурной антропологии, философии культуры, философии языка, философии мифа и фи-

лософии познания, которые тесно переплетаются между собой.

Кассирер уточняет ставшее уже «классическим» определение человека. При этом мыслитель отмечает, что его собственная позиция не порывает, а конкретизирует рационалистическую традицию в философии. С его точки зрения, те великие мыслители, давшие определение человека как «разумное животное», к сожалению, не сделали в дальнейшем попытки описать и проанализировать многообразие человеческих поведенческих актов.

В истории философии человека пытались понять с помощью психологической интроспекции. Э. Кассирер предложил в «Философии символических форм» альтернативный подход. Он исходит из предпосылки, что если существует какое-то определение природы или «сущности» человека, то это определение может быть понято только как функциональное, а не субстанциональное.

Язык, искусство, миф, религия — это не случайные, изолированные творения, они связаны общими узами. Что касается философии культуры, то она у Кассирера начинается с утверждения, что мир человеческой культуры не просто скопление расплывчатых и разрозненных фактов. Человеческую культуру в ее целостности можно, по Кассиреру, описать как процесс последовательного самоосвобождения человека. Язык, искусство, религия, наука — это различные стадии этого процесса.

Если Э. Финк полагает, что миф, культ, религия, поскольку они человеческого происхождения, равно как и искусство, уходят своими корнями в бытийный феномен игры, то Кассирер выводит феномен культуры из факта несовершенства биологической природы человека. Человек утратил свою первоначальную природу. Не можем сказать, почему это произошло. Сходный регресс — угасание, ослабление или утрата некоторых инстинктов — не является, вообще говоря, абсолютно неизвестным природному миру феноменом.

«Частичная утрата (ослабленность, недостаточность, поврежденность) коммуни-

кации со средой обитания (дефекта плана деятельности) и себе подобным (дефект плана отношений) и есть *первоначальное отчуждение*, исключавшее прачеловека из природной тотальности. Данная коллизия глубоко трагична. Как трагедия, она осмыслена в мифе об изгнании перволюдей из рая, причем в мифе метафорически воплощено представление об утрате как плана деятельности («съедение запретного плода»), так и плана отношений в сообществе («первородный грех»). «Изгнанный» из природной тотальности, ставший «вольноотпущенником природы», как назвал человека Гердер, прачеловек оказывается существом свободным, то есть способным игнорировать «мерки вида», преступать непреложные для «полноценных» животных табу, запреты, но лишь негативно свободным: не имеющим позитивной программы существования»³.

Социальность, культурные стандарты диктуют человеку иные, нежели биологическая программа, образы поведения. Инстинкты в человеке ослаблены, вытеснены чисто человеческими потребностями и мотивами, иначе говоря, «окультурены». Действительно ли притупление инстинктов — продукт исторического развития? Новейшие исследования опровергают такой вывод. Оказывается, слабая выраженность инстинктов вызвана вовсе не развертыванием социальности. Прямая связь здесь отсутствует.

Человек всегда и независимо от культуры обладал «приглушенными», неразвитыми инстинктами. Виду в целом были присущи лишь задатки бессознательной природной ориентации, помогающей слушать голос земли. Идея о том, что человек плохо оснащен инстинктами, что формы его поведения мучительно произвольны, оказала огромное влияние на теоретическую мысль. Философские антропологи XX века обратили внимание на известную «недостаточность» человеческого существа, на некоторые особенности его биологической природы.

Что касается человека как родового существа, то он был природно инстинктуально не развит. Человек как биологическое суще-

ство оказался обреченным на вымирание. Его инстинкты угасли еще до появления социальной истории. Не только как представитель общества он был приговорен к поискам экстремальных способов выживания, но и как животное.

Однако природа способна предложить каждому живому виду множество шансов. Оказался такой шанс и у человека. Не имея четкой инстинктуальной программы, не ведая, как вести себя в конкретных природных условиях, человек бессознательно стал присматриваться к другим животным, более прочно укорененным в природе. Он как бы вышел за рамки видовой программы. В этом проявилась присущая ему «особость»; ведь все другие существа не сумели преодолеть собственную природную ограниченность и вымерли.

Но чтобы подражать животным, нужны какие-то проблески сознания? Нет, не нужны. Способность человека к подражанию не исключительна. Этот дар есть у обезьяны, у попугая... Однако в сочетании с ослабленной инстинктивной программой склонность к подражанию имела далеко идущие последствия. Она изменила сам способ человеческого существования. Стало быть, для обнаружения специфичности человека как живого существа важна не человеческая природа сама по себе, а формы его бытия.

Итак, человек неосознанно подражал животным. Это не было заложено в инстинкте, но оказалось спасительным свойством. Превращаясь как бы то в одно, то в другое существо, он в результате не только устоял, но постепенно выработал определенную систему ориентиров, которые надстраивались над инстинктами, по-своему дополняя их. Дефект постепенно превращался в известное достоинство, в самостоятельное и оригинальное средство приспособления к окружающей среде.

«Человек обречен на то, чтобы все время, — пишет Ю. Н. Давыдов, — восстанавливать нарушенную связь с универсумом...»⁴. Восстановление этого нарушения есть замена инстинкта принципом культуры, то есть

ориентацией на культурно-значимые предметы. Концепция символического, игрового приспособления к природному миру разработана в трудах Э. Кассирера. Отметим также, что социокультурная ориентация философии обострила интерес к категории символа, символического. Символическое стало фундаментальным понятием современной философии наряду с такими, как наука, миф, телос, язык, субъект и т. п.

Поле исследований символического велико: философская герменевтика (Г. Гадамер), философия культуры (Й. Хёйзинга), философия символических форм (Э. Кассирер), архетипы коллективного бессознательного (К. Юнг), философия языка (Л. Витгенштейн, Ж. Лакан и др.). Исследования символического представлены в концепции символического интеракционизма (Дж. Мид, Г. Блумер, И. Гофман), где символическое рассматривается как «обобщенный» другой⁵.

Кассирер намечает подступы к целостному воззрению на человеческое бытие как протекающее в символических формах. Он обращается к трудам биолога И. Юкскюля, последовательного сторонника витализма. Ученый рассматривает жизнь как автономную сущность. Каждый биологический вид, развивал Юкскюль свою концепцию, живет в особом мире, недоступном для всех иных видов. Вот и человек постигал мир по собственным меркам.

Юкскюль начинает с изучения низших организмов и последовательно распространяет модели их на другие формы органической жизни. По его убеждению, жизнь одинаково совершенна всюду: и в малом, и в великом. Каждый организм, отмечает биолог, обладает системой рецепторов и системой эффекторов. Эти две системы находятся в состоянии известного уравновешивания.

Можно ли, спрашивает Кассирер, применить эти принципы к человеческому виду? Вероятно, можно в той мере, в какой он остается биологическим организмом. Однако человеческий мир есть нечто качественно

иное, поскольку между рецепторной и эффекторной системами развивается еще третья система, особое соединяющее их звено, которое может быть названо символической вселенной. В силу этого человек живет уже не просто в физической, но и в символической вселенной. Это символический мир мифологии, языка, искусства и науки, который сплетается вокруг человека в прочную сеть. Дальнейший прогресс культуры только укрепляет эту сеть.

Кассирер отмечает символический способ общения у человека, отличный от знаковых сигнальных систем, присущих животным. Сигналы есть часть физического мира, символы же, будучи лишенными, по мысли автора, естественного, или субстанциального, бытия, обладают прежде всего функциональной ценностью. Животные ограничены миром своих чувственных восприятий, что сводит их действия к прямым реакциям на внешние стимулы. Поэтому животные не способны сформировать идею возможного. С другой стороны, для сверхчеловеческого интеллекта или для божественного духа, как подмечает Кассирер, нет различия между реальностью и возможностью: все мысленное становится для него реальностью. И только в человеческом интеллекте наличествует как реальность, так и возможность.

Для первобытного мышления, считает Кассирер, весьма трудно проводить различие между сферами бытия и значения, они постоянно смешиваются, в результате чего символ наделяется магической либо физической силой. Однако в ходе дальнейшего развития культуры отношения между вещами и символами проясняются, как проясняются и отношения между возможностью и реальностью. С другой стороны, во всех тех случаях, когда на пути символического мышления выявляются какие-либо препятствия, разли-

чие между реальностью и возможностью также перестает ясно восприниматься.

Вот откуда, оказывается, родилась социальная программа! Первоначально она возникла из самой природы, из попытки уцелеть, подражая животным, более укорененным в естественной среде. Потом у человека стала складываться особая система. Он стал творцом и создателем символов. В них отразилась попытка закрепить различные стандарты поведения, подсказанные другими живыми существами.

Таким образом, у нас есть все основания считать человека «незавершенным животным». Вовсе не через наследование благоприятных признаков он оторвался от животного царства. Для антропологии ум и все, что его занимает, относится к области культуры. Культура же не наследуется генетически. Из приведенных рассуждений вытекает логический вывод: тайна культурогенеза коренится в формировании человека как символического животного⁶.

В современной культуре постижение смысла невозможно без интерпретации природы символа.

¹ См.: Свасьян К. А. Проблема смысла в западной философии XX века : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Ереван, 1980. С. 3.

² Кассирер Э. Философия символических форм. Введение и постановка // Культурология XX век. М., 1997. С. 168.

³ Вильчек В. М. Прощание с Марксом: Алгоритмы истории. М., 1993. С. 17.

⁴ Давыдов Ю. Н. Неомарксизм и проблемы социологии культуры. М., 1978. С. 338.

⁵ См.: Монсон П. Современная западная социология. СПб., 1992. С. 157.

⁶ См.: Кассирер Э. Опыт о человеке // Проблема человека в западной философии. М., 1986. С. 3–31.